

Тысячи американских морских офицеров, чьи боевые корабли бороздят ныне океаны, гордятся дипломом Военно-морской академии, однако вряд ли кому известно, что окончили они академию, носящую имя русского адмирала. НЕОБЫЧНОЙ, полной приключений жизни Пола Джонса посвящены романы Джеймса Фенимора Купера, Александра Дюма-отца, Уильяма Теккерея, Германа Мелвилла, стихи Уолта Уитмена. Его скульптурный портрет оставил нам гениальный Антуан Гудон. И все же были в жизни Пола Джонса несколько лет, о которых его биографы упоминают лишь вскользь. С 1788 по 1789 год он находился в России, и этому любопытнейшему периоду мы посвящаем свой рассказ.

Нашего героя, появившегося на свет в 1747 году в Шотландии, звали при рождении Джоном Полом. Его отец был садовником у графа Селкирка, но юного Джона не прельщала перспектива продолжить спокойное семейное дело. Уже в тринадцать лет он покинул дом и стал юнгой на английском корабле. Его морская карьера началась бурно — в восемнадцать лет он уже третий помощник капитана, в девятнадцать — первый.

В 1773 году в южноамериканском штате Вирджиния умирает старший брат Пола, Уильям, оставивший ему в наследство крупное поместье. Так наш герой стал американским плантатором. По одному из условий завещания Джон принял новую фамилию. Под новым именем — Джон Пол Джонс — он и прославился, став героем трех государств.

Размеренная жизнь плантатора-южанина продолжалась недолго. Уже в 1775 году происходит несколько военных столкновений английских войск с местными колонистами, означавших начало войны за независимость Американских Штатов.

Не без влияния своего соседа и друга Томаса Джефферсона, будущего автора Декларации независимости и третьего президента США, а пока что — одного из активных членов законодательного собрания Вирджинии, Пол Джонс становится в ряды восставших. В декабре 1775 года над первым боевым кораблем инсургентов, тридцатипушечным "Альфредом", взвывается звездно-полосатый флаг. Честь поднятия этого символа колоний, воюющих за независимость от Великобритании, досталась первому помощнику капитана корабля Полу Джонсу.



В следующем, 1776 году Джонс, командуя 12-пушечным шлюпом "Провидение", захватил или уничтожил более тридцати английских судов, одно из которых, кстати, везло из метрополии деньги для обеспечения войск. В глазах британских властей Пол Джонс сделался пиратом, чего ему не простили. А

в октябре 1777 года он совершил, казалось, невозможное — доставил в Нью-Йорк боеприпасы и продовольствие для осажденных с моря и суши войск Джорджа Вашингтона. Под покровом ночи он мастерски провел свой корабль сквозь английскую эскадру. Отряд Вашингтона выстоял, что во многом предопределило последующие успехи американцев. Джонс за этот подвиг получил чин капитана военно-морского флота.

Вскоре по решению конгресса он на 36-пушечном фрегате "Индианка" отправляется в Европу, чтобы сообщить послу во Франции Бенджамину Франклину о блестящей победе: 17 октября 1777 года английская армия была окружена и пленена под Саратогой. Известие должно было подтолкнуть Францию на военный союз с американцами, который и был заключен в феврале 1778 года. Уже в апреле того же года Пол Джонс на небольшом 19-пушечном корвете выходит из Бреста, прорывая английскую блокаду, подходит к берегам Англии и разоряет британское побережье, в том числе и замок своего бывшего хозяина графа Селкирка в Шотландии. Затем бесстрашный капер (каперы от пиратов в те времена отличались лишь тем, что получали разрешение на морской разбой от какого-либо правительства, а такое разрешение Пол Джонс имел и от Американских Штатов, и от Франции) захватил после упорного боя 22-пушечный английский фрегат "Дрейк" (символичное название!) с экипажем в 160 человек и отвел его в Брест.

В 1779 году Пол Джонс совершает свой самый знаменитый подвиг на море. На 40-пушечном корабле "Бедный Ричард" во главе эскадры из нескольких французских судов он встретился 23 сентября 1779 года с новейшим 50-пушечным английским фрегатом "Серapis" и 20-пушечным шлюпом "Графиня Скарборо".

Во время начавшегося боя остальные суда эскадры Пола Джонса, несмотря на приказ принять боевой порядок, покинули флагмана. "Бедному Ричарду" пришлось принимать бой в одиночку. В ходе сражения, которое длилось три часа, корабль потерял почти все орудия и половину команды, но на предложение командира английского фрегата Р. Пирсона сдаться Джонс ответил фразой, сделавшей его знаменитым: "А я еще и не начинал сражаться!"

На самом деле ситуация складывалась хуже некуда. Более мощный во всех отношениях "Серapis" продолжал беспощадно расстреливать "Бедного Ричарда". Возник пожар, образовалась течь. Оставалась одна возможность спастись с тонущего судна — идти на бордаж. Приблизившись вплотную к кораблю противника, поредевшая команда Джонса сцепилась с врагом и — выиграла рукопашный бой! "Серapis" спустил флаг, его командир Р. Пирсон отдал шпагу Полу Джонсу, после чего оба капитана спустились в каюту победителя, чтобы выпить по стакану вина, как требовал того морской обычай. Следом спустил флаг и "Скарборо".

Вскоре "Бедный Ричард" затонул, а Пол Джонс с двумя взятыми английскими судами (на которых было 600 пленных офицеров и матросов) вошел в один из портов нейтральной Голландии. Позднее капитан галантно подарил оба приза французскому королю Людовику VI. За это сам герой получил от него золотую шпагу и ордена "За военные заслуги", Св.

Людовика, Св. Михаила и высшую королевскую награду — орден Св. Духа.

В честь Пола Джонса была выбита специальная медаль работы Огюстена Дюпре. На лицевой стороне помещен его портрет и латинская надпись: "Джону Полу Джонсу, командиру флотом" и ниже: "Американские Штаты". На оборотной стороне — морское сражение и надпись: "Корабли врагов взяты или рассеяны" и напоминание о главной победе: "У берегов Шотландии 23 сентября 1779".

Возвращаясь в Америку в конце 1779 года на фрегате "Ариэль", Пол Джонс принял еще один бой с английским кораблем, фрегатом "Триумф". И попал почти в такое же положение, как и в сражении с "Серapisом". В самом начале поединка "Ариэль" получил подводную пробоину и стал тонуть. Капитан обратился к экипажу: "Матросы! Вам осталось сражаться недолго. Если в течение 20 минут вы не возьмете английский корабль, он от нас уйдет, и нам останется только потонуть".

Через несколько минут корабли сблизились, и "Триумф" был взят на abordаж.

В Америке конгресс наградил вернувшегося Пола Джонса золотой медалью почета, высшим знаком отличия молодого государства (орденов, как монархических символов, в США нет до сих пор), а также, по случаю окончания войны за независимость, объявил герою благодарность всей нации.

В 1783 году был подписан Версальский договор, по которому Англия признала независимость североамериканских колоний.

Их флот был распущен конгрессом, и Пол Джонс остался не у дел на своей второй родине. Он принял решение выехать во

Францию, чтобы предложить себя на службу там, благо представлялся случай. Конгресс послал его в Париж для урегулирования вопроса о призовых деньгах за английские суда, захваченные американскими моряками во время войны и переданные Франции. Но пока национальный герой Франции на корабле "Америка" пересекал океан, французы подписали с англичанами мирный договор. И здесь Пол Джонс оказался ненужным... Правда, некоторое время он числился коммодором французской эскадры маркиза Л-Ф. Водрейля — той, что годом ранее должна была вести военные действия против англичан у острова Ямайка, но так и не успела дойти до американских берегов. С 1784 до конца 1787 года Пол Джонс оставался совсем не у дел и проживал во Франции как частное лицо.

И все же была в Европе страна, которую живо заинтересовал американский капитан. С августа 1787 года Россия вела очередную войну с Турцией. На Черном море в составе российских военно-морских сил, кроме регулярного флота, действовали отряды так называемых "крейсеров" — вооруженных гражданских судов. Основную часть их экипажей составляли греки, вывезенные в Россию после Архипелагской экспедиции трех российских эскадр в Средиземном море (1769 — 1774 годы). Для наведения хотя бы элементарной дисциплины среди этих полупиратов, чувствовавших себя на службе Российской империи, мягко говоря, весьма свободными людьми, необходима была железная рука. Такой "рукой" мог быть Пол Джонс, хорошо знакомый с порядками и обычаями каперства.

Но виды российского правительства на американского боевого капитана были шире — бесстрашный, имеющий боевой опыт офицер давно уже привлек внимание России как потенциальный флотоводец, командующий регулярными морскими силами во время войны.

Напомним, что русско-турецкая война, уже четвертая в XVIII столетии, началась в августе 1787 года, а уже в конце того же года посол России во Франции барон И.

Симолин сделал предложение Джонсу поступить на русскую службу. Деятельное участие в переговорах по этому вопросу принял Томас Джефферсон, в то время посланник Северо-Американских Штатов в Париже. В своих мемуарах капитан писал о колебаниях, которые он тогда испытывал: "...Я имел такие понятия о форме правления в России, которые не согласовывались с моими представлениями на этот счет". Сомнения развеяло личное приглашение императрицы Екатерины II, которое ему передал в Копенгагене российский посланник в Дании барон А. Криденер. Уже 13 февраля 1788 года Екатерина II в письме князю Г. Потемкину писала: "Друг мой князь Григорий Александрович. В американской войне имянитый агглинский подданный Пауль Жонес, который, служа Американским колониям, с весьма малыми силами сделался самим агличанам страшным, ныне желает войти в мою службу. Я, ни минуты не мешкав, приказала его принять, и велю ему ехать прямо к вам, не теряя времени. Сей человек весьма способен в неприятеле умножить страх и трепет. Его имя, чаю, вам известно. Когда он к вам придет, то вы сами лутче разберете, таков ли он, как об нем слух повсюду. Спешу тебе о сем сказать, понеже

знаю, что тебе небезприятно будет иметь одну мордашкою более на Черном море".

"Мордашками" тогда называли служащих в русском флоте иностранных моряков, в основном английских, по сложной аналогии с бульдогами. На это письмо Потемкин ответил несколькими, в которых упомянул шотландца: "Лутче он будет у нас, а то худо, коли пойдет к туркам" (письмо от 15 февраля); и "Не упущайте, Государыня, его из рук. У нас, право, редки практикованные люди" (письмо от 4 марта).

Получив согласие Пола Джонса, Екатерина II указом от 15 февраля 1788 года, присланным в Адмиралтейскую коллегию, повелела принять его на русскую службу "из капитан-командоров Северо-Американских Штатов в капитаны ранга генерал-майорского", с определением на Черноморский флот.



Пол Джонс по пути в Россию



Франция. Медаль в честь подвигов Пола Джонса. 1779 г.

Сам наш герой претендовал на чин контр-адмирала, хотя в американском и во французском флотах дослужился лишь до капитан-командора (по русской военно-морской классификации чин капитана командорского, или бригадирского, ранга, предшествующий контр-адмиральному).

Следует заметить, что чин генерал-майора, соответствовавший контр-адмиральному (оба IV класса по Табели о рангах), в России давался обычно морякам береговой или технической службы, например, гидрографам, интендантам, генерал-

цейхмейстерам морской артиллерии.

Екатерина II прислушалась к пожеланию американца и уже 4 апреля 1788 года новым указом присвоила Павлу Жонсу, как он стал именоваться в России (хотя были и другие варианты), чин контр-адмирала. Сам же новоиспеченный русский военный моряк находился в это время в Стокгольме и лишь 12 апреля, наняв частный парусник, направился к берегам Российской империи.

Не обошлось без приключений. Во время плавания судно попало во льды, и экипаж во главе с капитаном решил повернуть обратно. Однако "пассажир", подкрепляя свои аргументы пистолетом, заставил команду продолжить путь и благополучно достиг Ревеля. Уже 23 апреля он в Санкт-Петербурге, а 25 числа того же месяца при содействии французского посла в России графа Л. де Сегюра его принимает Екатерина II. Характерны слова императрицы, сказанные днем раньше и записанные ее статс-секретарем Храповицким: "Он (Пол Джонс. — В.Д.) проберется в Константинополь", то есть осуществит давнишнюю цель — окончательно разгромить Оттоманскую Порту.

"Императрица приняла меня с самым лестным вниманием, которым может похвастаться иностранец, поступающий на русскую службу", — писал Пол Джонс одному из знаменитых своих друзей, герою войны за независимость США французскому маркизу М. де Лафайету.

Неискушенный в политике и придворном этикете моряк в первую же свою встречу с Екатериной II подарил самодержице экземпляр Американской конституции. Этонисколько не рассердило царицу, во всяком случае внешне она этого не показала.

При последующих аудиенциях они обсуждали и перспективы российско-американских отношений.

Видя расположение государыни к Полу Джонсу, весь светский Петербург стремился заполучить его в гости. Но вскоре он покидает гостеприимную столицу и уже 19 мая 1788 года прибывает к месту службы, на Черноморский флот.



**Медаль "За храбрость на водах Очаковских июня 1788" для матросов и казаков**

Еще в марте судьба Джонса как одного из флагманов на Черном море была предreshена.

Потемкин в письме Екатерине II 17 марта сообщает: "Нассау беретя гребными судами предводить. Я сему весьма рад. Тем паче, что он любит Суворова и будет под ним. Для парусных же судов нетерпеливо ожидаю Пауль Жонса". Важнейшей задачей российских войск и флота в 1788 году было взятие турецкой крепости Очаков на правом берегу устья Днепровско-Бугского лимана. Пол Джонс был направлен в лиман, где находились в то время два русских отряда — гребная флотилия под командованием контр-адмирала принца Нассау-Зигена и парусная эскадра, где "исполнял обязанности" начальника капитан бригадирского ранга грек Панайот Алексиано. Это был храбрый моряк, к тому времени уже кавалер 3-й и 4-й степени почетнейшего российского боевого ордена Св. Георгия. Известие о назначении нового флагмана парусной эскадры до того расстроило Алексиано, что первоначально он даже скрыл приказ. Особенно возмущены были английские офицеры, те самые "мордашки", упомянутые в цитированном письме Екатерины II. Они, по-своему справедливо считая Пола Джонса "изменником и пиратом", решили дружно подать в отставку.

Правда, со временем страсти улеглись. Командующий всем Черноморским гребным флотом де Рибас (ул. Дерибасовская в Одессе названа в честь него. — В.Д.) докладывал Потемкину: "Этот человек (Пол Джонс. — В.Д.) удивительно кроткий и деятельный, и, сказать правду, я не нахожу здесь никого, который может с ним сравниться. Англичане... начинают утихать, говорят о нем по целым часам". Далее весьма примечательное:

"Александр Васильевич (Суворов. — В.Д.) принял вчера Поль Джонса с распростертыми руками. Доверие, дружба установлены как с одной, так и с другой стороны". Генерал-аншеф А. Суворов командовал 18-тысячным корпусом, охранявшим побережье от устья Буга до Перекопа, но значительную часть времени находился в русской крепости Кинбурн на Кинбурнской косе. 23 мая Пол Джонс поднял свой контр-адмиральский флаг на флагманском корабле парусной эскадры "Святой Владимир". Всего в составе эскадры числилось три линейных корабля, пять фрегатов и 6 мелких парусных судов.

Джонс появился на Черном море весьма своевременно — уже 7 июня 1788 года в Днепровско-Бугском лимане произошло сражение между турецкой эскадрой (4 линейных корабля, 6 фрегатов и 47 мелких судов) под командованием самого капудан-паши (командующего флотом) Гассана, прозванного "крокодил морских сражений", и русской гребной эскадрой под командованием вице-адмирала К.Нассау-Зигена (7 галер, 4 дубль-шлюпки, 6 плавучих батарей и еще 7 судов).

Бой начался атакой турок. Русские, отразив нападение, перешли в контратаку и в результате не только прогнали врага под стены Очакова, но и уничтожили три неприятельских судна.

В опубликованных документах и справочниках вплоть до настоящего времени победа 7 июня в лимане целиком приписывается Нассау-Зигену и его гребной флотилии. Однако сам принц сразу же после боя сообщал Потемкину: "Прибытие остальной части моей флотилии, которую привел контр-адмирал (часть гребных судов в ночное время охраняли корабли Джонса от внезапного нападения), заставили турок отступить". На следующий день, в новом письме Потемкину он добавил:

"Контр-адмирал Поль Джонс... оказал мне всю личную помощь, какую можно ожидать от таких благородных офицеров". К сожалению, отношения между двумя флагманами вскоре испортились. 16 июня де Рибас пишет Потемкину: "Не ручаюсь примирить двух петухов... Сказать правду, Поль Джонс хоть хорош моряк, но в настоящее время его приобретение не очень выгодно для России, и понадобится большая сила власти, чтобы упрочить этого человека во флоте. Впрочем, у него большие достоинства, которыми он нисколько не походит на корсара". Вспыльчивый, честолюбивый и притом простодушный Пол Джонс с трудом вписывался в новые реалии.

В следующем сражении, вернее, двух, происходивших 17 и 18 июня, турецкая эскадра под командованием капудан-паши Гассана была полностью разгромлена. Турки потеряли за два дня 7 линейных кораблей (в том числе флагманский), 2 фрегата и еще 5 судов. Кроме того, один линейный 54-пушечный корабль был взят в плен. Активную роль в победе сыграли русские батареи, поставленные на Кинбурнской косе Суворовым. Пол Джонс позднее, в июле 1790 года, находясь уже в Париже, в письме Потемкину утверждал, что его эскадра внесла основной вклад в победу над капудан-пашой: "Именно я и храбрые люди, которыми я командовал, победили его (Гассан-пашу. — В.Д.) 17 июня... и именно я дал генералу Суворову (он имел благородство при самых уважаемых свидетелях открыто заявить мне об этом) первый проект установить батарею и наносные брустверы на Кинбурнской косе, которые принесли такую огромную пользу в ночь с 17 на 18 июня".

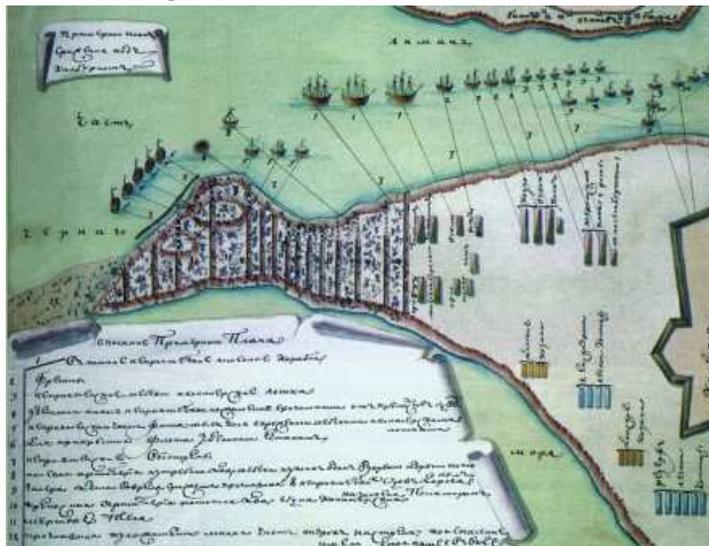
Нассау-Зиген в рапорте Потемкину о новых сражениях стремится принизить роль Джонса. Желая вызвать неприязнь к нему,

он рассказывает об уничтожении флагманского корабля под флагом Гассан-паши: "Он (Джонс. — В.Д.) был так добр, что оставался там для того, чтобы давать необходимые приказания о поспешном снятии людей, бывших на судне, зажженном нашими брандскугелями... Контр-адмирал приехал туда на своей шлюпке; я видел его близ адмиральского корабля". Так, вопреки намерению, Нассау-Зиген рисует портрет бесстрашного командующего, рискующего собственной жизнью ради спасения гибнущих моряков.

Существует легенда, что за день до генерального сражения Пол Джонс посетил лагерь "Верных казаков". (Так назывались казаки прежней Запорожской Сечи, разгромленной в 1775 году царскими войсками. Они были переселены на Кубань и Черноморское побережье. Наименование "Войско верных казаков" появилось по указу Екатерины II от 22 января 1788 года, в связи с необходимостью использовать бывших запорожцев в новой войне с Турцией. Вскоре за боевые отличия войско получило название "Черноморское".) Там его посвятили в почетные казаки (почетными запорожцами еще до разгрома Сечи стали Кутузов, Потемкин и даже живший в 1770-е годы в России знаменитый швейцарский математик, физик и астроном Леонард Эйлер). После торжественных обильных возлияний Пол Джонс сел с одним из казаков в шлюпку и, подъехав к флагманскому кораблю турок, написал мелом на его борту: "Сжечь. Пол Джонс". Наутро на корабле был поднят флаг капудан-паши Гассана, а подожгли его, по преданию, именно казаки. Во всяком случае, в сражении на лимане они особенно отличились храбростью и воинским умением. Их атаман Сидор Белый в бою 17 июня был смертельно ранен.

Потемкин, несмотря на попытки Нассау-Зигена очернить Джонса, представил его за июньские бои в лимане к ордену Св. Анны. Но постепенно отношение екатерининского фаворита к нашему герою охлаждается. Пол Джонс, как считают, слишком тесно сошелся с Суворовым, чем вызвал недовольствие светлейшего князя. 26 мая 1788 года, всего через неделю после прибытия Джонса на театр военных действий, Александр Васильевич сообщает командующему: "Здесь вчера с Пауль Джонсом увиделись мы, как столетние знакомцы".

Взаимопонимание было полнейшим — и в личном общении, и в боевых делах. В конце июня 1788 года Джонс по просьбе Александра Васильевича предоставил в его распоряжение фрегат и еще два судна из своей эскадры "для пресечения коммуникаций между Очаковым и турецким флотом". В своих мемуарах Джонс писал позднее, что великодушие Суворова "равняется его простоте. Его кошелек открыт для всякого — одинаково для достойного и недостойного человека — и он так прост, что его может обойти всякий".



**Сражение при Кинбурне. 1 октября 1787 г.**

При расставании в связи с отъездом в Санкт-Петербург Суворов подарил моряку бобровую шубу и доломан, подбитый горностаем, сказав при этом: "Возьмите, Джонс, они слишком хороши для меня; мои детушки не узнали бы своего батюшку Суворова, если бы я так нарядился, но вам они подойдут: вы ведь французский кавалер. Для вашего брата Суворова годится серая солдатская шинель и забрызганные грязью сапоги".

И все же ревность Потемкина к суворовским победам, а тем более к его боевым товарищам не стоит преувеличивать. Скорее всего главной причиной недовольства Джонсом послужило его прямотушие. Малоискушенный в делах двора, свое восхищение Екатериной он высказывает в письме самому светлейшему, да еще в выражениях весьма опрометчивых: "Если бы Ее Величество не была бы императрицей Всяя Руси (и не говоря уже о других ее огромных достоинствах), в моих глазах она всегда была бы самой любезной из всех женщин".

Немалую роль сыграли и интриги недругов, главным образом англичан. По донесению российского посланника в Лондоне графа Воронцова, в связи с принятием на русскую службу Пола Джонса английские морские офицеры "потеряли охоту входить в оную".

Наконец, на Черноморском флоте появилась новая, более яркая звезда — капитан бригадирского ранга Федор Ушаков, который прославил Россию своими блестящими победами.

Отправляя контр-адмирала в столицу, Потемкин снабдил его письмом к Екатерине II, где отмечал, что Джонс проявил на службе "пыл и усердие". Действительно, до отбытия в Санкт-Петербург осенью 1788 года он провел несколько удачных боев. В начале сентября его подчиненные захватили турецкое гребное судно. Судя по тому, что о нем было особо доложено Потемкину, весьма значительное. В конце октября эскадра уничтожила целый вражеский отряд из нескольких кораблей. Успешные действия русского флота в Лимане позволили в конце 1788 года взять мощную турецкую крепость Очаков.



**Джон Пол Джонс — капитан  
американского флота**

Наш герой с честью выполнил свою миссию и по возвращении в Санкт-Петербург был удостоен аудиенции у императрицы. Снова в высшем свете стало хорошим тоном звать его на обед или бал. Однако адмирал так и не научился паркетному искусству интриги. Инцидент, который положил конец карьере Пола Джонса в России, был спровоцирован, видимо, английскими агентами...

Уже известный читателю посланник Франции в России граф де Сегюр, близкий приятель контр-адмирала, так описывает эпизод со слов товарища. Однажды в его доме появилась некая 17-летняя красавица-швея по имени Екатерина, которая якобы искала работу.

Оказавшись наедине с Полом, она повела себя более чем вольно. Джонс, заподозрив неладное, дал ей денег и выпроводил вон. Оказавшись на улице, девица тут же начала рвать на себе одежды и вопить, что ее изнасиловали. Подозрительно быстро появилась ее мамаша, и они вдвоем направились в полицию.

Это происшествие прервало триумфальное путешествие Джонса по салонам столицы. Императрица запрещает ему появляться при дворе. Дело доходит до суда, и здесь-то на помощь приходит верный де Сегюр. Он выясняет, что юная швея Екатерина — на самом деле девица легкого поведения, а ее "мать" — сводня. Все это Сегюр рассказывает другу, и Джонс обращается с письмом к Екатерине II. Скандал улаживается, его снова везде принимают. Сегюр замечает в мемуарах: "Храбрый воин скромно и гордо встретил данное ему удовлетворение". Вскоре он испросил двухгодичный отпуск "для поправления здоровья", который и получил "с приличной пенсией".

Деятельная натура, однако, не позволяет ему находиться в стороне от государственных забот. В мае 1789 года, отправившись с кратковременной инспекционной поездкой в Кронштадт, Джонс простудился и слег с воспалением легких. Надолго прикованный к постели, он предлагает Екатерине II несколько письменных проектов, которые, будь они реализованы, могли бы многое изменить не только в отношениях между Россией и Америкой, но и в политической ситуации во всем цивилизованном мире...

Один из проектов Джонса — военный союз между двумя государствами и совместные морские операции в Средиземноморье против Турции и Алжира, где все более ощутимо сказывалось влияние Англии и Франции. Не без оснований Джонс надеется, что в случае принятия этого проекта его поставят во главе объединенной морской экспедиции. Развивая идею, он предлагает заключить также политический и экономический союз антианглийской направленности.

Джонса принимает российский вице-канцлер граф Остерман. По его оценке, "проект содержит несколько хороших идей", однако принимать его рискованно, "так как это может еще более возбудить англичан против России, и... необходимо сначала заключить мир с турками".

В сентябре 1789 года Пол Джонс покинул Россию, отбывая в предоставленный ему двухгодичный отпуск. Некоторое время он провел в Голландии, потом в Швеции и, наконец, оказался в революционной Франции. Здесь, в Париже, он умер 18 июля 1892 года в возрасте 45 лет. В последние мгновения жизни он держал в руке бокал вина, и сведущие современники не сомневались, что туда был подсыпан яд.

На похороны, состоявшиеся 20 июля, пришли толпы парижан во главе с двенадцатью членами Национального собрания, чтобы воздать "почести Полло Джонсу... хорошо послужившему делу свободы". Официальных представителей России и Северо-Американских Штатов среди провожавших моряка в последний путь не оказалось.

Пола Джонса похоронили в железном гробу, наполненном коньячным спиртом. Лишь в 1905 году он был с государственными почестями перевезен в США на американском фрегате "Святой Лаврентий" и похоронен в церкви Военно-морской академии, которая носит ныне его имя.

Посмертно ему присвоен чин полного адмирала. При жизни адмиральское звание Пол Джонс имел лишь в России...

**Валерий ДУРОВ**  
Иллюстрации из архива автора